

Джехёк украдкой взглянул на Сиху. Стоя под сакурой, Юн Сиху казался тем, кто всегда был здесь.

— Нам ещё идти и идти.

В этот момент Сиху спокойно заговорил.

Джехёк, тайком поглядывавший на него, вздрогнул от неожиданности и перевёл взгляд на Сиху, словно его поймали за чем-то. Смутившись, он поспешно открыл рот:

— Мы почти пришли. Извини.

Ему было неловко, что Сиху поднялся сюда только для того, чтобы помочь ему с практикой. Но Сиху покачал головой.

— Я не о том.

— Тогда о чём же?

— Просто... я думаю, тебе понадобится как минимум месяц, чтобы ты научился держать за руку естественно.

А. Он говорил о физической близости.

Услышав столь точные сроки, Джехёк снова смутился. Но в то же время его накрыло странное чувство облегчения. Они всё ещё держались за руки. Сиху не выказывал ни малейшего дискомфорта. Может, он просто терпел, но по крайней мере не отреагировал отрицательно — так что пока Джехёк мог вздохнуть чуть свободнее.

Он прикусил внутреннюю сторону щеки и обдумал слова Сиху. Отрицать их было сложно. Это была их первая попытка, так что, возможно, именно поэтому ему казалось, что ничего не изменится. Стараясь не дать сомнениям закрасться в душу, он наконец ответил:

— Ну... осторожность — это хорошо.

Сиху усмехнулся, услышав такое неуклюжее оправдание, и с игривым вопросом продолжил:

— Тогда как насчёт поцелуя? На это понадобился бы целый год?

....?

Шаги Джехёка внезапно замедлились. Он моргнул, размышляя, не ослышался ли, а затем медленно залился краской.

Поцелуй... то есть...

Мозг закоротило. Сиху не говорил, что они должны поцеловаться — он просто сделал гипотетическое замечание. И всё же сердце Джехёка внезапно бешено заколотилось. Всё тело горело. Застыв на месте, он не знал, куда смотреть, открывая и закрывая рот без единого слова.

Сиху, глядя на него, тихо рассмеялся. Глубокий, раскатистый звук вызвал у Джехёка озноб по спине.

— Глядя на тебя, я бы сказал, что это займёт даже больше времени.

Чёрт возьми, Джи Джехёк. Возьми себя в руки.

Он отчитал себя и заставил голос прозвучать:

— А нужно ли вообще целоваться? Что, если другой человек не захочет?

— Хм.

Сиху слегка потянул их соединённые руки.

Джехёк, застывший в шоке, был застигнут врасплох и споткнулся. Он едва успел

сгруппироваться, твёрдо уперевшись ногами, чтобы не упасть. Но в процессе его ладонь прижалась к груди Сиху.

Ощущение под ладонью было слишком ярким.

Несмотря на гладкий, почти изящный внешний вид, тело Сиху оказалось упругим от мышц. Он был даже крепче Джехёка, который годами тренировок наращивал свою форму. Этот неожиданный контраст сбил Джехёка с толку. Ладонь горела от непривычного прикосновения.

— Когда кто-то тебе нравится, тебе этого хочется.

Фраза оборвалась на полуслове, без подлежащего.

Джехёк инстинктивно поднял взгляд.

Их глаза встретились.

Нечасто ему доводилось ясно видеть тёмно-карие радужки Сиху, но сейчас те смотрели прямо на него, не отрываясь.

— Держаться за руки, прикасаться....

Мир вокруг них затих. Словно все остальные звуки исчезли, оставив лишь голос Сиху, звучащий в неподвижном воздухе.

— И целоваться тоже.

Между ними повисла тишина — густая, наполненная чем-то невысказанным.

А на самом деле здесь, кроме них двоих, никого не было.

Под ярким солнцем Джехёк не мог отвести взгляда от лица Сиху. Ему следовало что-то сказать, хоть что-то, чтобы разрядить напряжение, но тело отказывалось слушаться. Слово «поцелуй» эхом звучало в голове.

Я ведь никогда не думал об этом.

Это было слово, которое он слышал бесчисленное множество раз. Поцелуи — обычное дело в фильмах и дорамах. Даже среди однокурсников в прошлом году они играли в разные игры с выпивкой, где наказанием был поцелуй. Джехёк уходил до того, как становилось неловко, но он не был незнаком с этим понятием.

И всё же для него поцелуй всегда казался чем-то грязным.

Он никогда не понимал, почему людям так нравится прижиматься губами друг к другу. Даже когда он встречался, он чувствовал то же самое. Слюна — это отвратительно. Мысль о том,

чтобы обмениваться ею, никогда не казалась ему волнующей или романтической.

Даже сейчас его мысли не изменились.

И всё же...

Почему-то совсем чуть-чуть — нет, самую малость — ему казалось, что он начинает понимать.

Он не знал почему.

Но глядя на Сиху так близко, он чувствовал нечто.

Впервые мысль о встрече губ не казалась ему отвратительной.

Изгиб носа Сиху отбрасывал мягкую тень на его губы. Они были идеальной формы — не слишком пухлые, не слишком тонкие. Естественного розоватого оттенка. Но на солнце они казались более глубокого, насыщенного розового цвета.

Джехёк знал логически, что человеческие губы не бывают сладкими на вкус. Это была просто истина.

Но по какой-то безумной причине он поймал себя на мысли: а что, если губы Сиху — сладкие?

— Джахёк-а.

— А?

Голос Сиху вернул его к реальности.

Джахёк быстро заморгал, осознавая, что пялился на губы Сиху.

И хуже того — Сиху был прямо здесь, так близко, что их губы почти соприкасались.

— У меня что-то на губах?

Из-под острых тёмно-карих бровей глаза Сиху изогнулись в усмешке. Плавная дуга его взгляда заставляла чувствовать, будто он читает Джахёка как открытую книгу.

Как только Сиху заговорил, сердце Джахёка ухнуло вниз. Казалось, его мысли раскрыты, и от этого по телу разлилось необъяснимое смущение.

Оцепеневшее тело отказывалось двигаться. Никогда прежде его разум и тело не были так

разобщены. Он знал — стоит лишь отвернуть голову, сказать хоть что-то, и это удушающее напряжение исчезнет.

— Или, может быть...

Сиху слегка склонил голову.

Поскольку он был выше Джехёка, этот угол позволял ему легко — даже удобно — сократить расстояние между их губами. Его шёпот коснулся уха Джехёка, нежный, как лепестки сакуры, падающие за его спиной.

— Ты думал о чём-то другом?

Сейчас нужно было сказать хоть что-то. Качнуть головой, хоть как-то отреагировать. Нужда в этом нахлынула на него волной, и Джехёк наконец выдавил из себя ответ:

— Н-нет, ничего подобного.

Голос прозвучал хрипло и низко, вынужденно и неубедительно. Плохо скрытая ложь, очевидная для каждого. Сиху молча наблюдал за ним, уголки его губ изогнулись в лёгкой усмешке.

Дыхание — тёплое и мягкое — коснулось губ Джехёка. Легче весеннего ветерка.

— Ты так пристально смотрел, что мне стало интересно.

В воздухе между ними витал аромат. Такой сладкий, такой по-особенному «Сиху», что Джехёку стало любопытно — будто он мог его почувствовать на вкус. Всё его поле зрения было заполнено только Юн Сиху.

Он просто стоял, глядя, как Сиху наклоняется ближе.

Словно... он чего-то ждал.

— Тебе интересно?

Хотя фраза была незакончена, Джехёк прекрасно понял, о чём она.

Он должен был сказать «нет».

Конечно, он должен был сказать «нет».

Но его губы не шевелились.

Что-то было не так. Что-то изменилось со вчерашнего дня. Он не знал что, но внутри него что-то сдвинулось.

Тишина затянулась. А молчание само по себе было безмолвным разрешением.

Сиху, видимо, ждал достаточно долго. Он двинулся.

Его широкий корпус наклонился вперёд, сокращая расстояние между ними. Налетел ветер, принося запах свежей листвы, ветвей, нежных почек, сбрасывающих свою кожицу, и трепещущих лепестков сакуры. Смесь всего этого наполнила лёгкие Джехёка.

Казалось, время остановилось.

Застыв в этом мгновении, Джехёк забыл, как дышать. Он мог лишь смотреть широко раскрытыми глазами, как лицо Сиху приближается. Он видел медленное трепетание тёмных ресниц, чувствовал прикосновение идеально очерченного носа к своей щеке.

А затем —

Их губы встретились. Это было легко, невесомо. словно сахарная вата, тающая на губах.

Как прикосновение падающего лепестка.

Нет, это было...

Невозможно описать.

Никакой прошлый опыт не мог этого объяснить.

Это было невероятно мягко.

И тепло.

Не осознавая того, Джехёк сжал кулаки и задержал дыхание.

Сиху отстранился, и лишь тогда Джехёк выдохнул — воздух, который он даже не знал, что держал.

Мгновение, длившееся вечность, на самом деле не продлилось и нескольких секунд.

Значит, это означает... только что... «Дыши, Джехёк-а».

Сиху только что —

Нет, они —

«Хёк-а». Широкая ладонь мягко коснулась затылка Джехёка.

Вторая рука легла ему на спину, притягивая в тёплые объятия. У Джехёка даже не было сил отказываться. Если уж на то пошло, это было облегчением.

Уткнувшись лицом в грудь Сиху, он хотя бы мог не показывать, какое у него сейчас лицо. Наконец он выдохнул, затем вдыхая глубоко, судорожно.

Рука Сиху успокаивающе скользила по его спине.

— Прости. Я не думал, что ты так отреагируешь. — Голос его был спокоен, в нём слышалось искреннее сожаление.

Реальность потихоньку складывалась воедино.

И Джехёк — наконец — осознал, что только что произошло.

Впервые в жизни он поцеловался с кем-то.

Он моргнул. Глаза казались сухими, будто все мысли испарились из головы.

— Тебе это так сильно не понравилось? — голос Сиху снова достиг его слуха — мягкий, но осторожный. — Я думал, раз ты спокойно держишься за руку, то... такая мелочь, как чмок, тоже пройдёт. Прости, Хёк-а.

Джехёк, у которого всё ещё кружилась голова, зацепился за одно слово.

Чмок?

Это слово — невинное, почти игривое — показалось ему даже более странным, чем поцелуй.

Всё ещё слишком смущённый, чтобы поднять голову, он пробормотал в грудь Сиху:

— ...Это был не поцелуй? — голос его прозвучал глухо, с ноткой растерянности.

Рука Сиху на мгновение замерла. Затем он расхохотался. Настоящий смех, полный веселья.

И чёрт возьми, даже это звучало восхитительно.

На долю секунды Джехёк задумался — как вообще такой человек может существовать?

— Мм, нет. Не поцелуй, — тихо промурлыкал Сиху, успокаивающе поглаживая плечо Джехёка.

Смущение уступило место чистому изумлению.

Джехёк отстранился, резко подняв голову, и на его лице отразилось откровенное замешательство.

— Но ты коснулся моих губ, — сказал он, даже не пытаясь скрыть удивление.

В его понимании чмок — это то, что делают на любой части тела, кроме губ. Когда губы встречаются с губами — это поцелуй.

Значит... только что Юн Сиху стал первым человеком, с которым поцеловался Джи Джехёк.

— Это всё равно не считается поцелуем. К тому же, Хёк-а, твой первый поцелуй должен быть с кем-то другим, а не со мной. Это ведь была всего лишь практика.

Сердце, бешено колотившееся ещё до того, как их губы встретились, постепенно замедлилось при этих словах.

— ...С кем-то другим?

Ему казалось, он понимает, почему Сиху так говорит... а может, и нет. Разум окаменел, и он изо всех сил пытался заставить его работать снова. Если проследить, как они вообще до этого дошли — нет, почему они в итоге поцеловались...

— А, да. С тем, кто тебе действительно понравится и с кем ты будешь встречаться в будущем. Не просто какие-то отношения, как у тебя были раньше, а настоящие.

Верно. Они просто практиковались. Он наконец понял, но это не укладывалось в голове. Он всё ещё был сбит с толку. Почему это отличалось? В чём именно разница?

— Тогда... чмок — это нормально?

Чем серьезнее становилось лицо Джехёка, тем шире расплывалась улыбка Сиху.

— Люди чмокают кого угодно. Даже дети в детском саду так делают.

Джехёк прожил жизнь, далёкую от нормальной, так что Сиху, конечно, был прав. Но проблема была в том, что Джехёк никогда этого не делал. До сегодняшнего дня.